

УДК 39 (4/9)

ББК 63.5(2)

**КАЛМЫКИ, НОГАЙЦЫ И ДРУГИЕ НАРОДЫ
ВОЛГО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА В СОЧИНЕНИИ
ЯНА ПОТОЦКОГО «ПУТЕШЕСТВИЕ В АСТРАХАНЬ»**

А. А. Бурькин

Среди описаний путешествий к калмыкам, народам Волго-Каспийского региона и Кавказа особое место занимает сочинение Яна Потоцкого (Ивана Осиповича Потоцкого) (1761–1815) «Путешествие в степи Астрахани и на Кавказ» (*Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase*). Этот труд, написанный выдающимся ученым, путешественником, дипломатом, имеет необычную судьбу в истории науки и по существу только недавно он оказался оцененным по достоинству учеными-историками и этнографами. Между тем заметки Яна Потоцкого о путешествии в Астрахань являются и надолго останутся ценным источником по этнографии калмыков и ногайцев не только потому, что они опережают по времени специальные сочинения, посвященные калмыкам, которые начинают появляться с 1800-х гг. — одним из первых примеров их является книга Н. И. Стрхова. Эти этнографические описания принадлежат одному из образованнейших людей своего времени, выдающемуся путешественнику, труды которого формируют основы русской науки о народах мира и польской этнографической школы.

Ян Потоцкий родился 8 марта 1761 г. в Пикове под Винницей. Отцом его был коронный кравчий граф Юзеф Потоцкий, мать — Тереза Оссолинская. Вместе со своим младшим братом Северином он провел годы юности в Женеве и Лозанне, где получил блестящее и разностороннее образование. Затем последовали годы обучения в Венской военно-инженерной академии.

В 1783 г. Ян Потоцкий женился на княжне Юлии Любомирской, дочери великого коронного маршала Станислава и племянницы князя Адама Казимежа Чарторьского (1734–1823), генерала земель подольских, писателя, крупного политического деятеля.

С юных лет Ян Потоцкий приобрел страсть к путешествиям. Еще юношей, состоя в рядах армии Священной Римской империи, он побывал в Италии, Сицилии,

на Мальте и в Тунисе. Вскоре после этого путешествия Потоцкий отправляется в Турцию и Египет, а затем некоторое время живет в Голландии и Франции. Об этом путешествии он написал книгу «Путешествие в Турцию и Египет». В 1797–1798 гг. Потоцкий совершает путешествие в Астрахань и на Кавказ. В 1805 г. в чине тайного советника Российской империи Потоцкий направляется на Дальний Восток в составе дипломатической миссии графа Ю. А. Головкина, возглавляя научную экспедицию посольства. Официальной целью миссии являлось извещение маньчжурского императорского дома о вступлении на трон Александра I. Однако эта миссия закончилась неудачей. Еще в Урге (по некоторым сведениям даже в Кяхте), цинские чиновники потребовали от посла исполнить церемонию коленопреклонения перед табличкой с именем императора. Посол отказался исполнить это требование. В результате дипломаты вынуждены были возвратиться в Россию. Официальный рапорт он предоставил тогдашнему министру иностранных дел Российской империи князю Адаму Чарторьскому (1770–1861). В 1806 г. Я. Потоцкий был избран почетным членом Императорской Академии Наук.

Ян Потоцкий известен прежде всего как автор лабиринтоподобного романа в новеллах «Рукопись, найденная в Сарагосе» (1804), который приобрел огромную популярность уже в XX в. и принес автору всемирную славу. История публикации этого романа очень сложна и до сих пор до конца не прояснена. Первые главы «Рукописи» анонимно появляются в Петербурге на русском языке в 1804 г., но печатание второго тома было прервано автором в 1805 г. В 1810 г. в Лейпциге был издан первый том этого романа в переводе на немецкий язык, затем отдельные части появлялись при жизни писателя. На польском языке этот роман был опубликован в Лейпциге в 1847 г. переводчиком Эдмундом Хоецким, у которого

имелся полный французский оригинал текста, однако данный текст, лежащий в основе польской версии романа, так и не был обнаружен. Другие литературные произведения Я. Потоцкого (в частности, ему принадлежит сборник пьес) менее известны. Наряду с литературным творчеством Я. Потоцкий занимался историческими и археологическими исследованиями. Современники считали его талантливым историком, лингвистом, географом, этнографом, археологом и естествоиспытателем. Ему принадлежит около 24 больших трудов, а его менее объемные сочинения, как кажется, до настоящего времени не собраны и не изучены в историографии литературы и науки.

2 декабря 1815 г. Я. Потоцкий вызвал своего капеллана и велел ему благословить серебряный шарик. Затем он удалился в библиотеку, вложил этот шарик в ствол пистолета и выстрелил себе в висок. О причинах этого во многом загадочного самоубийства спорят до сих пор. В качестве одной из причин называются мучившие его головные боли, в качестве другой — утрату надежд на суверенитет Польши после Венского конгресса 1814 г. [Биография; Петров {Половцов}; Потоцкий, Ян; Ян Потоцкий].

История изданий интересующего нас сочинения Я. Потоцкого о путешествии в Астрахань и на Кавказ запутана едва ли не менее чем история публикации и текстовых источников его знаменитого романа «Рукопись, найденная в Сарагосе». Считается, что первое издание его вышло в 1829 г. в Париже под редакцией и с комментариями Ю. Клапрота [Voyage de Jean Potocki 1829]. Однако в библиографии к статье «Калмыки» Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона [Позднеев 1895: 64] имеется указание на гораздо более раннюю, и, что очень важно, прижизненную публикацию об этом путешествии Потоцкого — «Voyage dans la Russie meridionale et dans les pays du Caucase», J. Potocki [Voyage dans la Russie 1798], самая информация о которой остается без должного внимания.

После публикации французского текста «Путешествия» Я. Потоцкого 1829 г. на страницах журнала «Северный архив» появляется русский перевод этого сочинения [Потоцкий 1828]. Позднее оно перепечатывается в Астрахани [Потоцкий 1896], чему предшествует небольшая публикация [Путешествие 1895]. В XX в. «Путешествие в Астрахань» Я. Потоцкого было напечатано

в 1936 г. в антологии известий путешественников о Поволжье [Исторические путешествия 1936], а в 1974 г. — в составе источников о народах Кавказа [Потоцкий 1974]. В 2003 г. новое издание русского текста сочинения Я. Потоцкого было подготовлено Е. Л. Сосниной [Соснина 2003], опубликовавшей и продолжающей публиковать статьи о Я. Потоцком как исследователе этнографии народов юга России и Кавказа и одним из первых русских востоковедов [Соснина 1997; 2010].

По странным причинам имя Яна Потоцкого оказалось малопопулярным среди этнографов и историков-калмыковедов. Возможно, причиной этого явилась не вполне одобрительная оценка его сочинения в книге У. Э. Эрдниева [Эрдниев 1985], которая остается основополагающим трудом в области этнографии калмыков. Тем не менее «Путешествие в Астраханские степи и на Кавказ» Я. Потоцкого в наши дни используется в качестве источника в ряде диссертаций по калмыковедению, появившихся в последние годы [Дорджиева 2010; Васильева 2010], хотя несравненно более активно оно используется в исследованиях по этнографии народов Кавказа [Шалалыгин 2005; Конаков 2005] и Поволжья [Шкердина 2004].

Наблюдения Я. Потоцкого в области этнографии калмыков могут показаться несистематичными, однако они имеют первостепенный интерес тем, что принадлежат одному из образованнейших людей своего времени, тонкому знатоку Востока как по собственным путешествиям, так и по ученым трудам его времени.

Так, интересно описание внешности, головных уборов и причесок калмыков, вписывающееся в контекст знаний о Востоке на рубеже XVIII—XIX вв.: «27 <мая 1797 г.>. — Я переехал реку Царицу и очутился в Азии; по крайней мере, большая часть географов полагает эту речку границей между сею частью света и Европою. Калмыки как будто хотели подкрепить это мнение; они раскинули по ту сторону реки свои палатки, из коих выглядывали их азиатские лица. Они совершенно походят на китайцев, нарисованных на китайских бумажках; шапки их точно грибы; с верхушки головы висят у них длинные косички: у мужчин одна сзади; у женщин две и падают на грудь» [Исторические путешествия 1936: 202].

Достаточно значимо для истории калмыковедения описание Сарепты глазами Яна Потоцкого: «Отсюда я поспел в три часа в Сарепту, колонию, где мирные моравские братья вводят свою промышленность между дикарями; этот город — самое лучшее место для узнавания нравов и истории калмыков. Большая часть братьев знает язык их: некоторые даже пишут на нем, потому что по целым годам следуют за ордами; есть даже такие, которые забавляются списыванием калмыцких книг. В этих книгах нет ни языка, ни букв тибетских; они писаны монгольским наречием, которым говорят калмыки. Буквы их также имеют оттенок монгольских» [Исторические путешествия 1936: 202]. Сказанное здесь трудно объяснить: либо эти моравские братья не особенно интересовались рукописями и книгами на тибетском языке у калмыков, отдавая предпочтение книгам на «тодо бичиг», либо в какие-то периоды истории книги на тибетском языке были у калмыков весьма малочисленными.

Не может не привлечь внимания описание колонии переселенцев с верховьев Волги, которую довелось увидеть путешественнику: «Скоро прибыли мы к деревне, где весь берег покрыт был людьми, которых одежда была мне совершенно незнакома. Я узнал, что то была колония татар, чуваш, мордвы, недавно туда переселившихся. Работники вышли на берег нанять лодку, чтобы съездить за тою, которую они оставили на дороге. Я воспользовался этим случаем, чтобы посмотреть народы, которые знал только по имени. Большая часть жителей деревни были татары, весьма плохо одетые. Женщины напротив того, были чрезвычайно разряжены, набелены и нарумянены. Холстинная одежда чуваш украшена богатыми цветными бордюрами, изображающими наиболее кресты всех видов. Мордовки, особенно девки, одеваются чрезвычайно странно и фантастически. В ушах носят они большие куски шерсти; в волосы вплетают колокольчики, на шею повязывают большие медные бубенчики. Они чрезвычайно дики; как скоро мы к ним подходили немножко поближе, они тотчас убегали и прятались в домах. К этой странной смеси народов присоединялись еще русские рыбаки и калмыки, которые нанимаются в пастухи» [Исторические путешествия 1936: 203–204].

Наблюдения Я. Потоцкого над бытом калмыков содержат интересные факты со-

циальной дифференциации калмыцкого общества конца XVIII в., находящей свое проявление в предпочтительных формах культуры и быта: «8 <июня 1797 г.>. — Мы прошли мимо острова, на котором поразило нас нечто весьма примечательное; то был прекрасный дом, недавно построенный калмыцким князем; имя его Тюмень; ему первому опротивела жизнь кочевая. Однако ж он все еще и ныне проводит часть лета под палаткою и остался верным ламайской религии» [Исторические путешествия 1936: 207].

Далее путешественник продолжает: «13-го августа приехал я казачьей почтой в Замянск, где встретил людей калмыцкого князя Тюменя; они поехали вперед, чтобы уведомить его о моем прибытии. Я поплыл вверх по Волге в лодке, в которой гребли двое казаков, и через несколько часов был уже в орде. Князь встретил меня при входе в палатку, для меня приготовленную. Она была украшена китайской материей и в ней стояла хорошая постель. Мне подали ужин, приготовленный по-европейски; Тюмень и его сын разговаривали со мною весьма свободно по-русски; последний учился в Астрахани и довольно образован.

Слово палатка, которое я употребляю для означения подвижного жилища калмыков, так же не точно как и русское название кибитка, потому что эти хижины сделаны из решеток, покрытых войлоком. Их разбирают и складывают на верблюдов. Можно разобрать решетки, так же как и ивовые жердинки, называемые фулен¹. Калмыки называют эти жилища гир². Татарские хижины делаются почти также, но только бывают меньше; татары называют их кара-чу» [Исторические путешествия 1936: 211–212]. Здесь наше внимание привлёк последний термин, возможно, как-то связанный с названием архаического жилища жолом³ «жолмейка» у монголоязычных народов.

Безусловно, ценны описания религиозных обрядов калмыков XVIII в., которые мог наблюдать Я. Потоцкий: «14-го августа меня разбудила китайская музыка; я тотчас

¹ Возможно, имеется в виду кит. *liū fū*, где *liū* — ‘ива’; *fū* имеет ряд значений, среди которых ‘палаты; дворец; резиденция’ — *прим. ред.*

² Калм. *гер* — кибитка, юрта — *прим. ред.*

³ Калм. *жолм* — джолум, название жилища у монгольских народов — *прим. ред.*

встал и пошел смотреть, как гелонги⁴ <sic!> молятся. Их было человек тридцать в гире. Они пели гимны с аккомпаниментом музыкальных инструментов, которые были мне совершенно незнакомы, потому что я видал их часто на китайских обоях. От времени до времени гелонги делали горлом движение, как будто хотят плюнуть. Кроме этого ничто не нарушало однообразности их пения, которое продолжалось с час. Всего более поразило меня то, что у всех гелонгов были толстые здоровые лица, составлявшие совершенно противоположность с лицами калмыков, которые все, не исключая даже и князей, худы и желты.

Потом пошли мы в гости к ламе, который по старости своей уже не присутствует при молитве; может быть, этого не дозволяет ему и достоинство. Все в его гире было на образец китайский и действительно получено оттуда. Лицо его совершенно соответствовало всему окружающему; оно совершенно напоминало мне пагоды, которые прежде украшали наши камины. Его почитают образцом святости и источником мудрости. Я показывал его святейшеству сочинение отца Георги. Жрец читал весьма свободно тибетские слова, в нем находящиеся и удивлялся, что в Европе есть книги, писанные на этом священном языке, и еще более дивился привилегиям, которые великий лама даровал миссионерам. Я представил ему молодого моего воспитанника, как потомка Амурфаны⁵. Жрец, кажется, сначала сомневался в справедливости сего происхождения; но когда я ему сказал, что Амурфана прижил в Сибири сына, который был отвезен в Польшу, женился там и у него родился этот сын; что, наконец, у меня хранятся все бурханы или идолы, принадлежавшие сему джунгарскому князю, то он начал глубоко размышлять и, наконец, признался, что рассказ мой весьма правдоподобен. Воспоминание о блестящем дворе князя Контайше⁶, при котором он провел свою молодость, так растрогало этого старика, что я принужден был сократить мое посещение; мне после сказывали, что по уходе моем он горько плакал» [Исторические путешествия 1936: 212]. Наблюдения в

⁴ От тиб. *dge-slong* — буддийский монах, принявший все обеты — *прим. ред.*

⁵ Речь, скорее всего, идет о хойтском князе Амурсане — *прим. ред.*

⁶ Скорее всего, здесь речь идет о хунтайджи — *прим. ред.*

этой сфере продолжают далее: «Утром 15 числа я срисовал бурханы или истуканы в часовнях, кибитки и все, что принадлежит к ламайскому богослужению. Все было весьма богато; бурханы украшены жемчугом; музыкальные инструменты обделаны серебром и драгоценными камнями.

Духовенство чрезвычайно многочисленно. В этой орде, состоящей только из тысячи гиров или 3000 душ, духовных всех классов считается 220 человек; но они люди не бесполезные; одни обучают юношество; другие искусны в медицине и особенно в познании простых лечебных средств. Гелонги сии не имеют нужды просить милостыни, народ, без их просьбы, приносит им все нужное.

После обеда присутствовал я при духовной церемонии, совершенно отличной от первой. Гелонги одеты были в небольшие, но весьма богатые мантии; на них были передники из китайской материи и драгоценные митры, украшенные фигурами. Костюм их походил на одеяние китайских бонз. При этом не играли ни на каком инструменте; всякий монах держал в левой руке медную гремушку, а в правой орудие, которого я не знаю ни имени, ни употребления; у каждого была сверх того медная чаша и семена, завернутые в холстину. Перед молитвой они держали пред глазами кусок тафты, потом бормотали потихоньку какие-то слова, производя по временам звук, который я заметил накануне. Иногда они складывали руки, точно так, как мы, когда молимся, потом бросали семена на воздух. Один из них встал, зажег на алтаре фимиам, взял сосуд, в котором был пух, налил из него какую-то желтую жидкость в раковину, а оттуда разлил ее в чашки всех монахов; они ее пили, намочили ею лоб, а остальное поднесли богам. Все сия обряды производились, кажется, по установленному порядку; так как они кончились нескоро, то я имел время срисовать монахов и место, где они находились» [Исторические путешествия 1936: 214]. И далее: «23-го числа я возвратился в орду довольно поздно; я видел многочисленные обряды, с которыми гелонги объявили пост, называемый Матрег [мацг, явная опечатка или неверно прочитанное в латинице слово. — А.Б.].» [Исторические путешествия 1936: 217–218]. К сожалению, путешественник не дал описания этих обрядов.

Эта тема имеет еще одно продолжение: «Сегодня, 24-го числа, во всей орде и

между прочим у княгини Нурджаны производились разные обряды ламайской веры. У нее на коленях была книга, состоящая из отдельных листов, которые она раздавала всем присутствующим, и они пели написанное в оных как священную песнь. В других гирах также пели и вертели курдесы⁷, род клепала; у ламаитов это занятие стоит молитвы.

Я ходил прощаться с ламою; и говорил с ним о дворе Галдан-Церенга, при котором этот первосвященник в молодости жил. Он мне сказывал, что народонаселение четырех калмыцких поколений полагали в это время в 300.000 гиров или по русскому счислению в 18 600.000 душ. Сверх того, татар, повинующихся Кентайше⁸, в Малой Бухарин могло быть душ 400.000. Татары сии совершенно походят на астраханских, живут в городах и возделывают сады. Галдан-Церенг вызвал многих из них, чтобы развести сады по берегам реки Или. В этой стране есть также гора Богдо-Ула, которой гелонги поклоняются» [Исторические путешествия 1936: 217–218]. Здесь оказались зафиксированными и обрядовая практика, и знания, которым обладали ламы в конце XVIII в.

Не может быть оставлен без внимания факт просвещенности и образованности женщин из представителей высших сословий калмыков: «Когда я возвратился от духовного начальника, князь Тюмень представил меня княгине Нурджане, супруге своей, женщине молодой и весьма хорошенькой в своем роде; тело ее было ослепительной белизны, которую еще более возвышали два совершенно черные локоны. Она читала монгольскую книгу, в коей описывались знаменитые подвиги Чингис-Хана. Воспользовавшись этим случаем, я спросил, не сохранилось ли у них какого воспоминания об уйгурах, народе, которому приписывают изобретение монгольской азбуки. Тюмень отвечал мне, что калмыки ничего не знают об этом народе, но что у них есть пословица: “Я не понимаю этого человека, он, может быть, уйгур”» [Исторические путешествия 1936: 212–213]. Выше нами была отмечена роль калмыцкой княгини в совершении некоторых религиозных церемоний.

В тексте описания путешествия Я. Потоцкого обнаруживаются интересные и зна-

чимые частные детали: «Я старался узнать также, не осталось ли каких следов того почтения, которое монголы оказывали прежде к порогу жилищ их и которое было столь велико, что христианские монахи, которые имели несчастье прикоснуться к нему кончиком ноги, были наказаны палочными ударами и им даже угрожали смертью. Тюмень уверял меня, что сие уважение сохранилось и поныне; дотронуться до порога можно, но сесть на нем великий грех. Может быть, от этого происходит название Высокой Порты»; «Многоженство у калмыков дозволено, но примеров оно встречается немного»; «Нам подали водку, приготовленную из кобыльего молока (кумыс) и чай, вареный в масле. Водка некрепка и в ней есть что-то жирное, что мне не понравилось. Чай, который калмыки выписывают из Китая, собственно для себя, совсем не похож на наш. Он состоит в толстых дощечках, твердых почти как кирпич и покрытых тонкой бумагой, исписанной множеством литер. Калмыки варят этот чай с молоком и маслом и делают таким образом из него питье здоровое и крепительное. Все татары приняли это обыкновение» [Исторические путешествия 1936: 213]; «После обеда судили двух человек, которые нарушили законы целомудрия. Преступники были: кундурский татарин, довольно уже пожилой, и калмычка очень молоденькая, но чрезвычайно непригожая. Обольстителю определено было дать несколько ударов канчуком, которые и были даны с величайшей благопристойностью и, смею сказать, к удовольствию и бившего, и битого. Надобно заметить, что преступный татарин принял на себя труд обучить в хуторе дикую лошадь, что расположило калмыков в его пользу. Он, казалось чрезвычайно радовался, что отделался так дешево, ибо боялся, что принужден будет оставить у себя свою красавицу. Завтра мы будем обедать в орде этого любовника, битого и довольного» [Исторические путешествия 1936: 214–215].

Имеется в описании путешествия Я. Потоцкого и картина соколиной охоты: «После обеда пришли два князя из фамилии Дондук-Омбо; один назывался Нукуилином, имя другого я забыл. Они по-русски не понимали и имели понятие не выше своего народа. Тогда началась блестящая охота; калмыцкие князья отправились с соколами, кундурские татары также приняли участие в оной, и вся равнина покрылась всадниками.

⁷ Калм. *күрд* — молитвенный барабан. — прим. ред.

⁸ Данное написание приводится согласно источнику.

Цаплей наловили столько, сколько хотели, и всякий возвратился весьма доволен» [Исторические путешествия 1936: 213–214]. И далее: «Возвращаясь к Тюменю, мы поймали еще несколько цаплей. Калмык не делает ни шагу без своего сокола. У каждого есть свой, которого сам кормит и почти целый день им занимается» [Исторические путешествия 1936: 213]. ... даже при наличии фундаментальной монографии о соколиной охоте [Симаков 1998] последнее замечание немаловажно, поскольку оказывается, что соколиная охота отнюдь не была уделом знати.

Чрезвычайно важными и интересными представляются заметки Я. Потоцкого, которые касаются взаимоотношения калмыков и ногайцев в конце XVIII в.: «Мало-помалу собирались фигуры, истинно чрезвычайные, и уселись около нас. То были татары кундурские, кочевавшие в окрестностях; они пришли засвидетельствовать нам свое почтение. Тюмень велел подать им кумысу; впрочем, он, казалось, не очень уважал их; напротив того, эти кундуры оказывали ему величайшее уважение. Мне казалось удивительно, что гордые мусульмане унижаются таким образом пред идолопоклонником. Но они уважали в нем кровь Чингис-Хана, его богатства и твердый характер его, действительно почтенный, которому отдают полную справедливость и русские, и кочевые народы от берегов Яика до Кубани. За обедом, я, из учтивости, оказывал предпочтение лошадиному мясу; даже просил его. Певец, который играл в то же время на ялге, струнном инструменте, забавлял нас за столом музыкой; больше я об нем ничего не могу сказать, потому что инструмент его нисколько не походил на наши» [Исторические путешествия 1936: 213]. Не случайно труд Я. Потоцкого оказался ценным источником по этнографии описываемой им группы ногайцев [Скрыльникова 2008].

У Я. Потоцкого имеется колоритное и содержательное описание ногайской свадьбы: «...завтра могу я следовать за ордою, которая должна перекочевать. Мы будем на свадьбе. Дин-Эслам, богатейший из татар кундурских, выдает дочь замуж; меня уверяют, что великолепие пира, который он дает, превзойдет все, что только можно вообразить.

20-го < августа 1797 г.> я рано поутру отправился в орду, которая была уже на походе. Чрезвычайное множество верблюдов

везло палатки и багаж. Их вели женщины верхами; у некоторых были наперед седла дети. Бедным надобно было немного времени, чтобы скласть на верблюда все им принадлежащее. Никто не шел пешком: все были верхами, даже и старый лама, который ехал впереди своего синода.

Следовав несколько времени за колоною, мы поворотили вправо и въехали на земли кундурских татар, где шествие наше часто прерывалось, потому что надобно было переезжать, образом выше описанным, несколько сотен речек, впадающих в Волгу и мы часто принуждены были их переплывать. Мы ехали мимо множества кундурских аулов и, наконец, прибыли к аулу Дин-Эслама, который узнали издали по толпе, его окружавшей. Первые знаки почтения оказали мне девушки, которые качались на одном пригорке. Когда мы приближались, они перестали играть и сжались так плотно, что мы видели одни их шелковые платочки. Князь Тюмень приветствовал их на калмыцком языке и просил их не уходить от нас, потому что мы приехали только для того, чтобы посмотреть на их пляску. Сии вежливые слова и звук инструментов, сделали молодых нимф благосклоннее; они подняли несколько, свои покрывала и показали нам концы своих приплюснутых носов; две даже встали и подошли к нам. Музыкант снял с них покрывала; при сем знаке они начали плясать, но так потупили глаза, что они казались совсем закрытыми. Хотя они ничего почти не видали, но не теряли такта и в движениях их было довольно приятности. По окончании пляски, они закрыли лицо руками, чтобы скрыть детское смущение, музыкант возвратил им покрывала и они ушли с чрезвычайной скромностью. Одежда сих молодых девушек была весьма странна по множеству серебряных цепочек, дощечек, наручников, пуговиц, ладонков и других подобных вещей, которыми они были обременены; на носу у них были кольца, украшенные драгоценными камнями.

Потом пошли мы к женщинам, которые одевали невесту. Ничего не было забыто для того, чтобы пир был сделан блестящим. Убили четырех лошадей, четырех быков и четырех овец. Старшины принесли хвосты жирных овец, кишки, головы и другие лакомства. Я невольно вспомнил свадьбу Гамаха. Для нас приготовлена была палатка; я разговаривал в ней с Бег-Алием, кундурским муллою. Для ногайца, он весьма учен

и что еще реже, желает научиться более. Ему сказывали, что у меня есть турецкая грамматика. Ему очень хотелось ее видеть. Мы много говорили об истории кундурцев: они настоящие ногойцы, но приняли обычай жить в гирах калмыцких, отчего аул их не походит на другие татарские аулы. Зимой они живут в домах близ Красноярска. Однако у них еще находится в употреблении гильдерга, род тележки с дышлом, которую они ставят возле палатки и которая служит им сундуком. Обычай сей весьма древен, ибо о нем упоминается в посольствах Менадра. Станы их отличаются от станов астраханских татар тем, что каждое семейство занимает в нем большое пространство.

Обед подавали в больших и малых корытах. В одном из самых больших была четверть кобылятины, в других баранина, сарачинское пшено и просо. После обеда все сели на лошадей; началась блестящая скачка, за которой должна была следовать борьба; но по причине нашего отъезда мы не могли дожидаться ее» [Исторические путешествия 1936: 215–216].

Заслуживает внимания и следующая зарисовка Я. Потоцкого: «Я отдыхал и записывал дневные происшествия, когда Тюмень пришел показать мне свои кольчуги; каждая из них имела свое имя, как меч Роланда назывался Дурандалем, а сабля Болеслава, короля польского, Щербцом. Самое примечательное вооружение Тюменя называется Китчин-Килинтук (рубашка Китчин-Хана). Она известна у всех татар и даже на Кавказе» [Исторические путешествия 1936: 216]. Таким образом, сохранение торжественных описаний богатырского оружия, которое мы находим в «Джангаре», поддерживалось соответствующим отношением к оружию и доспехам в быту и культуре калмыков еще около 200 лет назад, чему мы имеем прямые свидетельства.

Астраханские страницы описания путешествия Я. Потоцкого содержат ряд интересных зарисовок историко-этнографического характера о народах Кавказа, с представителями которых автор встречался в Астрахани [Исторические путешествия 1936: 215–217], однако эти мотивы выходят за рамки темы данной статьи. Приведем здесь лишь одно наблюдение, сохраняющее актуальность: «...самое большое впечатление произвела на меня веротерпимость, какую, может быть чрезвычайно трудно найти на каком-нибудь другом месте зем-

ного шара. Последователи Али, проклиная в своих караван-сараях приверженцев секты Омара, могут слышать как призывают на молитву крики муедзинов сих последних, колокола греческой церкви, тамтам индейцев, и, может быть, жужжание лам. К этим разным религиям можно еще присовокупить несколько сект староверцев, и все европейские и азиатские христианские общества» [Исторические путешествия 1936: 210]. Наверное, надо было иметь большую смелость написать эти строки, будучи католиком, каковым был автор.

Сочинение Я. Потоцкого «Путешествие в Астраханские степи и на Кавказ», равно как и его книги, повествующие о путешествиях по Турции, Африке, Китаю [Potocki 1980; Potocki 1991], изданные недавно вместе с литературными и публицистическими трудами во втором томе пятитомного собрания сочинений [Potocki 2004–2007], представляет собой ценный историко-этнографический источник и является памятником истории отечественной науки о народах юга России. Оно должно занять подобающее место и в отечественном калмыковедении.

Литература и источники

- Биография Ян Потоцкий* [Электронный ресурс] // URL: <http://www.nudecelebs.ru/bio/8484/> (дата обращения: 27.09.2011).
- Васильева Е. А.* Историческая топонимия Астраханской области XVI–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 23 с.
- Дорджиева Е. В.* Традиционная калмыцкая элита в пространстве Российской империи в XVIII – начале XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 49 с.
- Исторические путешествия.* Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII вв. Сталинград: Краевое книгоиздательство. 1936. С. 198–218. (URL: <http://vostlit.info/Texts/rus13/Potockij/text.phtml> (дата обращения: 10.07.2011)).
- Конаков М. М.* Гостеприимство и куначество в этносоциальной традиции балкарцев и карачаевцев: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2005. 17 с.
- Петров {Половцов} А.* Потоцкий, граф Иван Осипович [Электронный ресурс] // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/103607/Потоцкий (дата обращения: 10.07.2011).

- Позднеев А.М. Калмыки // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона Т. 27. СПб., 1895. С. 57–64.
- Потоцкий И. Путешествие графа Ивана Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году // Северный архив, 1828. Ч. 31. № 1–2. Раздел V. С. 255–288.
- Потоцкий И.О. Путешествие графа Ивана Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 г. / пер. с франц. // Астраханский сборник. Вып. 1. Астрахань: Изд. ПОИАК, 1896. С. 303–328.
- Потоцкий Я. Путешествие в астраханские и кавказские степи // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974. С. 226–234.
- Потоцкий, Ян [Электронный ресурс] // URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Потоцкий_Ян (дата обращения: 15.06.2011).
- Путешествие графа Потоцкого в Астрахань // Памятная книжка Астраханской губернии. Астрахань, 1895. С. 131–156.
- Симаков Г. Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 312 с.
- Скрыльникова Ж. Х. Современные этнокультурные процессы в среде ногайцев-карагашей Астраханской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 32 с.
- Соснина Е. Л. Кавказоведческие штудии графа Яна Потоцкого с точки зрения развития ориентализма в России и Европе // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 4. Пятигорск, 2010. С. 125–129.
- Соснина Е. Л. Учёный, заложивший фундамент науки о Кавказе (К 200-летию кавказского путешествия графа Яна Потоцкого) // Новый журнал. № 1. СПб., 1997. С. 181–198.
- Соснина Е. Л. Ян Потоцкий и его «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи». Пятигорск: Спецпечать, 2003. 177 с.
- Шалалыгин Ю. И. Исследование и начало освоения Центрального Предкавказья в XVIII – начале XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. 26 с.
- Шкердина Н. О. Социокультурные аспекты духовной и материальной жизни народов Среднего Поволжья (По сведениям западно-европейских авторов XVI–XVIII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004. 17 с.
- Эрдниева У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1985. 282 с.
- Ян Потоцкий [Электронный ресурс] // URL: <http://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/pototskiy/index1.html> (дата обращения: 10.07.2011).
- Potocki, Jean. Au Caucase et en Chine: 1797–1806. Paris: Phoebus, 1991. 264 p.
- Potocki, Jean. Voyages en Turquie et en Egypte, en Hollande, au Maroc. Paris: Fayard, 1980. 373 p. Более поздние издания: Potocki, Jean. 1) Voyage dans l'empire de Maroc. Clichy: Ed. du Jasmin, 1999. 185 p.; 2) Voyage en Turquie et en Egypte. Clichy: Ed. du Jasmin, 1999. 94 p.
- Potocki, Jean. Ouvres, 5 vols. (La Republique des Lettres 11, 12, 13, 14, 16); Eds. F. Rosset et D. Triaire. Louvain: Editions Peeters, 2004–2007. Т. I: xiv+363 pp., Т. II: iv+298 pp., Т. III: iv+458 pp., Т. IV: iv+590 pp., Т. V: vi+392 pp.
- Voyage dans la Russie meridionale et dans les pays du Caucase, J. Potocki. Paris, 1798.
- Voyage de Jean Potocki dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. Т. I: xvi+361 p. Paris, 1829. Новое издание: Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. Paris: Fayard, 1980. 250 p.